

прозани сызгу при от'езде из Сталинска в 50 г.

В литературе библиотка имени А. Толстого.
(«Интербюро», Азия, рассказы написанные в
Эмигранции), которой покорил меня своим талантом
сразу и навсегда, В. Катаева, Б. Лаврентева
В. Каверина, но достать эти книги было трудно,
можно было только в библиотеке, так книжных магазинов
в городе не существовало, не было газетных
кисей (газеты выисывали на дом), журналов -
ежемесячных было так мало, что к нам они не
доходили.

У нас появилось много знакомых (и образом среди
Койкохилимов: Сирота, Зараховичи, Воронкина, и
др., у меня - грузия Ереван. Мы работали, ходили
в гости и сами приглашали гостей, часто ходили
в театр - словом жила, как все, как окружено-
ные нас люди довольно беззаботно и весело,
но все это продолжалось недолго - наступила
темная трагическая год. 1937-1938.

Эти годы описаны у нас во многих романах, повестях,
повестях, мемуарах, годы безраздельного господства
террора, насилия и ~~по~~ массовых репрессий и
написаны мной то, что творилось в Сталинске
в это время.

Процесс партийной оппозиции, который начался
в 1937 г., т.е. судебный процесс, широко освещен
написан в «правде» «Известиях», где судили
процессию Бухарина, Рыкова, Зинovieва и др.
Индрикардича ие связь с троцкистской группой
Зв. Французей через сына Троцкого - Белова таву-

цего в Берлине, которая (группа) хотела сменить
руководство в партии во главе со Сталиным.

Эта группа по сообщениям газет имела много
сильных элементов в партийных верхушках не-
мецких - германских, польских и среди интеллиген-
ции. Проявлялись деятельность их выражалась
в диверсиях, ~~убийствах~~, вредительстве в промыш-
ленности, с/хоз-ве, заговорах с целью убийства
Сталина и прочих "застках" и преданная "партий-
ному курсу людей. В рядах, конечно, знает
из литературы Хрущевского периода после 20го
съезда партии что творилось в стране. Арестованы,
сосланы, казнены были миллионы невоинных
людей, в том числе высшее командование армии,
верхушка технической интеллигенции, часть
литературы и искусства, Большая ленинская
в партийных органах. Все это ^{было} объявлено "врагами
народа."

В Сталинские годы казались массовые аресты.
Арестованы были директор Комбанка Горанкерт,
потом Бутенко за ним, секретарь Гурков,
казалось много людей Комбанка, директор
летоимур. ин-та, множество рядовых инженеров,
секретарей парт. организаций, врачей. Это
было первое волно. На их место были назначены
другие, но и их почти всех постигла такая же
судьба (не считая с ходу переименований).

Каждый проявлял непроизвольное, тем более
авария случившаяся, как вредительство и подлете-
ли аресту. ККВД - его руководителем, тоже
не избежал этого; карлом ККВД Ягода, тоже
был оштрафован и арестован, за ним следом

"Новое поколение". Берия уже работал, пока
еще в тюрьме.

Память моя ослабла со временем, сразу надо было
записывать как-то, но это было опасно, т-к.
люди и мы в то-и время не знали, не присутст-
-вию за нами носило в "Черном бароне" (Фурман).

В колхозниках был арестован кар. цеха Дзугузид.
(Муж Аннастасия Мамбаевна Тамберг бывшей нашей
соездки здесь в колхознице в доме 21 кв. 21.)
Много инженеров, приехав у некоторых забирала и меня.
За то, что "не сообщим в НКВД о врагах
народа". В казнь только тогда было арестовано 300.
Из 100 примерно врагов работавших в Сталинске
было арестовано человек 20, т-к. не было заст. б.
Одни за знакомство с "врагами народа", другие
~~за~~ как кар. враг Марадарава за то, что было
меня кар. доменного цеха тоже, врагов "народа"
или железный враг Шахновар - жена кар. строительного
треста, или отчасти враг Чернявский, - сестра которого
была арестована в Москве.

Я тогда работал в терапевтической отделении
кар. больницы, где заведующий был коммунист
врач Шляпников Т.И. - отец отапливал терапевт.
Туда он на Верхней Колонии, работал в Сталинске
с 1931г. Он женился со мной, как его неосторожно
приглашали в покотине при аресте. От тех людей
людей мне стремился избавиться, как от кельян-
ных свидетелей и спасло его то, что старшей
сестрой я как работала тогда. Зап. кар. НКВД
и сам он был беспартийный. Большая караулке
в окошко было партийное, поэтому оно больше
всех и пострадало, а беспартийные враги ~~не~~
арестовывались и. обр. Молодые, т-к. надо-ме

Было кому-то работать в конурациях на
Севере, куда созвали миллионы людей — летать
гаровую радсину — таково мое мнение.
Учитель арестовывали меньше: или врачей, с-к.
Учить в лагерях было некого, хотя впрогем на
малых глазах Грем я видел, как вывозили из
зданий Горюхо, Зав. Горюхо и самого его — в
форзоты (в шле с работ) и люди не протаво-
погонном тротыаре интались от этом.

Случившаяся незадолго перед этим смерть Горюхого,
(Камчатка в 1936 г.) была объявлена на суде как
травляемая тема их диверсией. По этому поводу
у нас в больнице было общее собрание всех мед.
работников Горюхо. Выступала секретарь парт. орга-
низации — бабенка какой-то и зачитала газетную
статью о «врагах народа» профессоре Тилеткеве
и мед. враче Горюхого — Туреваре, которые якобы
умышленно убили Горюхого (он был молодой
больной и нездоров Ленин отпустил его на долгие
годы летать на Капри), предположила жесотыи
васказаться. У всех еще было ^{свежо} в памяти, как
незадолго перед этим собрались у нас в
Сталинке были арестованы Зав. поликлиникой
на В. Колонии врач Дроздов (Камчатка так)
и мед. врач тоже мужчина, за то, что якобы
по не ^{недоосмотру} ~~не~~ поставили какой-то больной камеральной
теме К Аресту — поэтому собрание затанно
губанке и каютника мертвая тинька.
Васказаться в ~~те~~ гухе статьи из «Туревара»
Язык не повараивался и советь, публиковалу,
не позволяла, а васказаться против было-го
самодушеством. Тогда, пред. собрание

эта бабенка разъяренная кудрявой сава выступила и объявила всех присутствующих соизвестующими и врагами народа Тютюкову и Тютюкову" - подтолкнула дескать. и не хотите высказываться. Но тут надунав слабое место в демагогии секретаря, выступила, вернее выпрыгнула ей с места одна старая партизанка - зав. антеккой о недозволенности обвинять весь коллектив, за ним замученно все и собрания закончили кассе, ~~за~~ не правды никакой резолюции. Все быстро разошлись, не обсуждая происшедшее, не коллективизму, поэтому говорить можно было только дома, в своей семье.

За ребята не представляю и слава богу, что это было за время, когда Коммунисты в газетах писали процесс над троюклетками, бабы и бабы - соратницами Ленина, - старыми большевиками - всем им грозила смерть. И одновременно в своей зарнице происходили массовые аресты: Энгельбах, Сосуланичев, всего высшего руководства Коммунистиче, зарница партии, наконец просто туфелек твоего дома. Все эти арестованные люди, извозили (ссылались на Север в основном), славы их тогда ступенями улетать куда-либо - им ничего не знали о их судьбе. Да, забавно, в это время был арестован и секретарь Новосибирского обкома (Сталинск в то время был Н-Сиб. обл.) Эйзен - очень популярный и известный. Он не был салятан, а ~~был~~ пошел в торговле, а вот б. директор Гуреев-фурт был сослан в Казахстан, а потом работал здесь эдак-то в службе ОХИМ. Длительное было время и продолжалось оно не только зимой 1937г., но и вплоть до войны в нескольких крупных масштабах.

Самые лучшие в то время, чтобы избежать
предназначенного ареста было уехать куда-то
на время, на какое место, где тебя не знали еще.
Но как было уехать, когда уполитбу по сабемле-
тскому делу было нельзя - запрещено законом.
Оставался отъезд и вот в начале октября 1937 г.
когда с отъезда только от урды и от крепости
такой лопат все поспад - мы с отцом решили
поехать в Дикорван на год - мы едем впервые,
дом с ребятами оставались где с бабай, и
можно было доверять ребятам.

Поехали мы в Союз через Москву. Москва в 1937 г.
была не такая как сейчас. Только что в 1935 г.
пущены метро с Комсомольской площади по
Кольцу. Ср. ланки не было. Центры там все старинный,
из лесотных зданий был только М.Т.У., много было
уже тогда, в магазинах можно было уже купить
в обычной продкорм, но с пропитанием было
уже плохо. Едем мы поездом, на Украине была
уже осень, но все ближе к году - все темнее.

Союз нас поразил: субтропики, роскошные вели-
чественные санатории, дачные поселки, море
вечный теплый воздух, масса цветов, горы,
вокруг - все это впервые в жизни в 25 лет,
мы поехали на пр-кте Сталина (теперь все
Курортной) ст. Кокчетку и ~~Самарканд~~ ^{Самарканд}
Забайкалье и трезори темного года. Мы купались,
гуляли, ходили в рестораны, но тропе в дождь
море ходили до мажесты. Союз тогда была тихие
места - Зеленый Огородный городок и
некоторые санатории. "Дикорван" никаких не было,
из произведений были только санатории, Кокчет
сделавшей уюта, никаких определений в кафе,
столовые и еще было хорошее. Третье там

Мы вернулись домой переполненные впечатлениями
о горе, с горькими, восторгами, надеждами и злыми
камы детьми, а также бабу с дедом в порядке, а
только дома растолковали, какие у него были
взгляды. Борь без нас научился читать; дед
показал ему буквы и он сам начал складывать из
них слова, первые слова, которые он проглатал были
"мадера" "маказа" на буквах этикетки из газет
буквами в букете. После этого он быстро перешел
на сказки и стихи Маяковского и Леско через два
года уже карманно, как взрослый. А Анатолий
за месяц (ему было 12.4 мес) научился здорово разговаривать и декламировал уже стихи и песни,
отгадывал карты, когда мы покатывались со
слуху. Мать была как-то в колесе, но
ответов все же была тревожна. И тут
вдруг к нам неожиданно приехали родители мамы
из Томска. Там было все то же, что и во всей стране.

Арестовали Льва Солоникова - мужа Эстер
и посадили его в предварительку. Отца, т.е. Григория
старшего предупредили, что на него следят Гоме
в КРБД (Гоме сделал как-то хозяин дома, где
они жили. Квартира - тоже еврей) и они с
матерью решили приехать к нам. Встретили
мы, в застенках, и, как всегда, прождали они у
нас месяц примерно и так, что отягощенность
матери уехали обратно. Жить у нас было тяжело,
нас и так было в человек. По приезде в Томск
отца все же арестовали - это было уже в начале
1938. и он с тех пор скитался, пропал без вести,
т.к. если слышали, то без переноски и где он
погиб бедный старик в лапах или тюрьме
неизвестно.

(7) (продолжение)

Отм. бывшей его неприятели Ко мне (Звонкой)
как и русской и сейчас не всталось пока он был
у нас. Мне о нем его было много и я все
время настаивала на том, что-то отец был воевал
где он, за что взял и т.д. Детер вступил там
своего друга Льва Соломоновича, который сейчас
уже просидел только в подвале Томского НКВД
вместе с др. ворами и сделал себе на память
там деревянную доску. Она пошла к нар. НКВД
и давала пересмотра его дела и его отпустили.
А сейчас отца уже и не слышно совсем.
Уже в 1940 г. в Новосибирске, как отец
узнавал в НКВД будучи там в командировке
и ему сказали только, что он отлучен на 10
лет и сослан на Север (за что?)

В 1938 г. уже так-же угасть не могла
и мужа Маруси. Выходит Николай Александрович
член партии с 1917 года. Выходит из Бельки
с.м.в., 1898 г. рождения, сирота с малых лет.
— он в детстве был отдан сапожнику в уезды,
где подмастерья посадили его за возкой, и
пошла его возкой для елеху. Окончил он только
начальную школу, но потом учился в вечерней школе
для взрослых. В 1916 г. был призван в армию,
~~вступил~~ в Балтийский флот, в 1917 г. вступил
в партию, воевал, участвовал во взятии
Зинькино Дворца. После окончания гражданской
войны учился в партийной школе и в сельско-
хозяйств. работал по партийным делам, а также
на хоз. должностях: нар. ОРС в заводе.

парламентский человек: он не брал взятки, не
пользовался своей должностью нар. ОРС'а, поэтому
вышло как-то не угодно.

Жене прокурора г. Кемерово, тоже партийная
его характер приметелен — однажды сообщила ему,
что он уже в списках подлежащих аресту и посо-
ветовала ему временно уехать. Он с Марией
приехал к нам летом 1938 года в Омск,
Мария была уже беременна толпой и все
рассказала нам. Этот мезитский отъезд спас
его, т.е. в его отъездные арестовали больше
группу людей из назначения (говорил, что в мезитские
~~орган~~ органы НКВД давали разказку на Кольца
людей ~~арестовали~~ подлежащих аресту, а кого и после
разоблаче на месте) Главным образом из старых
элеков партии — Ленинцев, ненавидящих Сталина
с момента начала его карьеры. После отъезда
людей на реани опять ехал в Омск, теперь
уже в Край — тоже погрозительно спасал
видно, хотя без вагит, что ни в чем не было
выговаривать через Сталина. Отъезд был в 10
время В.с.партийной, 8-го, но его же отъезд был
арестован и казо было скрывать это, репрессии
и террор провозглашено.

Мы начали в конце июня 1938 г. сначала в
Ленинград по командировке, потом в Днепро-
петровск и затем уже в Край. В Ленинграде мы
были впервые и он понравился мне. Больше, чем
Москва. Как раз были белые ноги и мы ходили
по 12-ю по Ленинграду, осмотрели все, что можно